

И. БАДАЛИЧ

Юрий Крижанич — предшественник Ивана Тихоновича Посошкова

Прежде чем перейти к сравнительному анализу «Книги о скудости и богатстве» И. Посошкова и «Политики» Юрия Крижанича, мне хотелось бы вкратце указать на некоторое внешнекомпозиционное совпадение обоих анализируемых произведений.¹ И «Политика» Крижанича, и «Книга о скудости и богатстве» Посошкова задуманы на основе традиционной системы «трехчленности» с обязательной вводной аргументацией или же кратким вводным содержанием [у Крижанича «Предисловие» («Предговорие»)]. «Благо, сила и мудрость» — это, по Крижаничу, три главных положительных достоинства, на которых покоится фундамент общественного и государственного строя. Поскольку эти основные достоинства как «божьи дары» в их земном применении сочетаются с их божьим предначертанием, они не только хороши, но и нужны. Поэтому Крижанич решает разделить свое произведение «Политика» на три части: на разговор о благе государства, о его силе и о мудрости его правителей.²

Посошков свое тройственное членение обрабатываемого материала своеобразно углубил, можно даже сказать придал ему черты барокко, разделив его на особенную систему «троекрагного трекратия»: в первом «трекратии» он показал духовенство, воинство и правосудие, во втором — торговлю, ремесло и общественный порядок, в третьем — крестьянство, земледелие и царские подати. На этом «трекратном трекратии» он и создал, по его словам, свою книжицу в течение трех лет.³

Указывая на эти факты внешнекомпозиционной трехчленности обоих произведений, я никак не настаиваю на том, что в таком совпадении у Посошкова нужно искать, а еще меньше и находить отражение разделение материала, которое наблюдается в произведении Крижанича «Политика», потому что гораздо раньше, еще до христианской эры, числу 3 («Святой Троице») придавали символическо-мистический нимб, а уже потом магия и мистика числа 3 была введена в литературу и науку и применялась вплоть до христианской формулировки — *omne divinum est trinum*.

¹ В статье приняты сокращения: К — Юрий Крижанич. Русское государство в половине XVII века, тт. I—II. М., 1859—1860; П — Иван Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие его сочинения. Ред. и комментарии Б. Б. Кафенгауза. М., 1951

² К, т. I, стр. 5: «Три мирские твердости и трое совершение господарству: благо, сила и мудрость... Зато мы хотим сие дело на трое разделить: и разговор учинить об владетельском благу, силе и мудрости».

³ П, стр. 7: «И на оныя неправды и неисправности, елико ми бог даровал, мнения своего изложение ко исправности тех неправостей и неисправностей троекратное трекратие предлагаю, а именно: первое трекратие о несправе и поправе духовенства, воинства и правосудия; второе трекратие о несправе и поправе купечества, художества и разбойников з беглецами; третье трекратие о несправе и поправе яко во крестьянах, тако и во владении земли безобидном и о собрании царского интереса многогобозовитаго. И на тое тричислие написал трелетним своим трудом книжицу и нарекох ю „Книга скудости и богатства“».

И в структуре языка обоих произведений нам было бы трудно найти устойчивую платформу для сравнения: правда, тексты и одного, и другого писателя изобилуют славянизмами, архаизмами и провинциализмами в такой мере, что издатели их текстов (Безсонов, Погодин, Кафенгауз) должны были давать к текстам особые словари. Однако эта особенность не свойственна только Посошкову и Крижаничу, и этого недостаточно, чтобы на основе лексики этих текстов делать выводы об их сходстве или о влиянии. Я боюсь, что мы могли бы впасть в бесплодный буквализм.

Даже и в вопросе основной тематики, которая у обоих писателей в их главных произведениях, упомянутых выше, в основном почти одна и та же, мы могли бы из предосторожности занять ту же точку зрения: «ветер эпохи» допетровского и петровского времени навел обоим писателям одну и ту же злободневную проблематику. И Крижанич,⁴ и Посошков⁵ пишут о торговле, о ремесле и земледелии, о государственном устройстве, о «воинстве», о необходимости просвещения, о крестьянстве, о законах и законности и т. п. Таким образом, и тематика их сочинений, а не только формальное разделение обрабатываемого ими материала, совпадает почти во всем.

Все это дает право поставить вопрос о своеобразной взаимосвязи обоих произведений славянской публицистики XVII и XVIII вв.

Первую главу своей «Книги о скудости и богатстве» Посошков посвятил критике русского духовенства («О духовности», стр. 21—41). По его мнению, духовенство в России крайне отсталое сословие, духовно и физически убогое, не имеющее никакого настоящего образования и необходимых нравственных устоев.⁶ Взгляды Посошкова по этому вопросу мы не можем, по существу, сравнивать с «Политикой» Крижанича, так как Крижанич попросту не решился затрагивать этот вопрос. Причина этого кроется, по всей вероятности, в том, что «Политика» была написана Крижаничем уже в Тобольске, куда он попал, как это предполагает С. М. Соловьев, по сути говоря, из-за русского православного духовенства: «Сосланный в Сибирь за неправославие, Крижанич написал там сочинение».⁷

Как Посошков, так и Крижанич вопросу народной обороны уделяют большое внимание, подчеркивая в первую очередь важность хорошего снабжения и военного снаряжения армии, важность хорошей военной подготовки и справедливого обращения военных начальников с солдатами, правильных действий военных судов и т. п. Неустрашенность всех этих отношений, а особенно плохое снабжение являются часто причиной, по мнению Посошкова, дезертирства и даже измены ратных людей русского воинства.⁸

Все эти мысли, высказанные Посошковым сперва в его произведении «О ратном поведении» (1701 г.), а потом в 1724 г. на десяти страницах

⁴ К, т. I, стр. 2, «Предговорие»: «Потому здесь ся писать об торгованию, об рукодельных промыслах, об тежачеству илии об пахоте: и ибо всяких промыслах пристоящих к обогащению казны господарские, и к обрадованию всего народа. Об утверждению царства: об умножению сил: и обо всяких ратных промыслах. Об брежнню чести и величества: речи всякого знать потребны, и доселе... Об законех и обычаех, и об законоставию: како оно со временем бывает нарушено. Како добрых законов бречь в целости, а злых изкоренять».

⁵ Ср. прим. 3.

⁶ П, стр. 21.

⁷ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 3. Изд. «Общественная польза». СПб., гл. 1, стлб. 785—786.

⁸ П, стр. 50: «О солдатах и о драгунах надлежит великое попечение имети и пильно того смотрити и при квартирах, чтобы они ни пищею, ни одеждою не скудны

его «Книги о скудости и богатстве» (глава 2 «О воинских делах», стр. 42—52), содержатся в той или иной форме уже в «Политике» Крижанича (т. II, «Об силе», глава 1—7, стр. 65—104), в которой автор обсуждает вопросы оборонительных укреплений (т. I, 66—70), оружия (т. I, стр. 71—72) и вооружения (т. I, стр. 72—82), взаимоотношений солдат и военных начальников (т. I, стр. 82—90), обращения с солдатами (т. I, стр. 91—104) и т. п.

И для Крижанича хорошее снабжение и снаряжение войска являются основными требованиями хорошего устройства армии.⁹

Посошков подвергал жестокой критике состояние правосудия в России того времени (т. II, стр. 54—112). Особенно остро он напал на суд. Посошков предлагает принять новое уложение или свод законов по примеру более передовых судов за границей (т. II, стр. 77, 81), которое бы защищало основные права русского гражданина. А от этого будет польза и самому царю, подчеркивает Посошков. Пока это не будет сделано, в стране не будет благосостояния (т. II, стр. 91—92—108).

Гораздо раньше также сильно и более исчерпывающе на беззаконие и на произвол государственных органов обрушился Крижанич, клеймя пагубное тиранство правящих кругов, погрязших в незнании и дикости. Чтобы, между прочим, такое тяжелое обвинение русских кругов не вызвало нежелательной реакции против него самого, Крижанич приводит слова Адама Олеария, часто цитируя его суждения о пагубном правосудии в России XVII в., и лишь затем сам в ряде глав¹⁰ дает уничтожающую общественно-юридическую картину России того времени. Чтобы это состояние бесправия в России окончилось и страна и народ были спасены от гибели, Крижанич намного раньше Посошкова предвидел необходимость введения систематического государственного законодательства. Свои творческие замыслы, как нам известно, он вкладывает в уста будущего мудрого русского царя-правителя¹¹ точно таким же образом, как и обвинения против бесправия он высказал от имени Адама Олеария. Устроенное государственное законодательство в одинаковой мере принесет пользу и царю, и народу, а вместе с тем исчезнет и пагубная тирания в стране.¹² Сущность же нового законодательства, по мнению Крижанича, состояла бы в установлении точных окладов для судей, которые обеспечат их независимость, а стране — справедливое и упорядоченное судопроизводство. Чтобы острый и прямой критикой судов и судопроизводства того времени Крижанич не мог задеть чувствительность ответственных государственных властей, он очень остроумно воспользовался анекдотом о консолидации судопроизводства в соседней стране — Турции — путем упорядочения окладов судей.¹³ Между прочим, Крижанич говорил и прямо, осуждая, например, царские приходы от судов.¹⁴

были, а при армии и найпаче подобает их довольствовати, чтобы они радующеса служили». «Нужда пригонит к побегу, а иной и изменить будет готов».

⁹ К, т. I, стр. 82—83: «Вояки будут добры, аще добро осмотрены брашном, платьем и оружием. Первьяе всего есть треба вояком промыслить об осмотрению тела, рекши об брашну, платью и оружию. Не менее, но паче и более есть треба промыслять, да всяки будут добро осмотрены платьем, неже брашном. Мало бо вояков от глада, а много от мраза погибает».

¹⁰ К, т. I, стр. 280—307, 310—312.

¹¹ К, т. I, дел. III, раздел 40, 4, 11, 30.

¹² Там же, стр. 31—32.

¹³ К, т. I, стр. 293.

¹⁴ Там же: «Нигде на всем широком свету не идет кралоу никакова корысть ни приход от судов, токмо здесь на Руси ся есть появил той безбожный людодерский и правдогубный закон».

Посошков, однако, не мог идти до конца по тому же пути (даже и при помощи анекдота), по которому шел Крижанич. Он удовлетворился, как мы видели, в основном предложениями умеренных административных мер.

В вопросах внутренней и внешней торговли в главных чертах тоже существуют ясно выраженные совпадения: и Посошков, и Крижанич видят выход из тогдашней анархии в торговле на территории России в ограниченном государственном контроле над всей внутренней торговлей страны. Этот государственный контроль руководил бы распределением товаров и внешнеторговым обменом. Не будет преувеличением сказать, что один и другой писатель имели в виду ведение торговли, управляемой сверху. Руководящая роль в этом у Крижанича, хотя и символически, предоставлена самому царю,¹⁵ который свои обязанности исполняет через специальных исполнителей («царские оправники», «царские торговцы»). Предназначая высшую должность в управляемой торговле самому царю, Крижанич это сделал, по-видимому, из-за исключительной важности торговли в экономике России того времени. Он знал и о возражениях своих современников, которые считали неприличным связывать возвышенную личность государя с положением хозяйственного дирижера, но он, имея в виду важность дела, допускал, чтобы авторитет царя помог и в этой области.

Как уже было сказано, Посошков, как и Крижанич, предвидел улучшение русской торговли в торговле, которая контролировалась бы государственными органами; он считал торговлю для государства такой же важной, как и армию. Поэтому в самых важных вопросах торговли, по мнению Посошкова, решающее слово должен сказать царь.¹⁶ Служебными же царскими уполномоченными должны быть местные торговые командиры, управляющие во имя государства всеми торговыми ведомствами, а особенно внешнеторговым обменом.¹⁷

Но о самом купеческом сословии как таковом у Посошкова и у Крижанича было одинаково отрицательное мнение: оба считали купцов лентяями и обманщиками. Они обманывают, по единодушной оценке обоих наших общественно-политических критиков, одни других, иноземные и отечественные, но самое худшее при этом то, что они продажей негодных товаров обманывают безграмотный народ, нанося ему ущерб не только высокими ценами, но и обвешиванием, и неточными мерами.¹⁸

Так же как и Посошков, Крижанич признает обоснованность и необходимость существования купеческого сословия, но считает купцов не порядочным общественным элементом и относит купеческое сословие к слову «черняков».¹⁹

¹⁵ К, т. I, стр. 8—10: «На тые толь многие народные нужи един сам промысль есть мочугь пособить. То есть, да Господарь Царь все торговство, кое ся деет с иными народми, примет на свое имя и руку, яко же и приал есть, и в грядущая времена да ее обдержит».

¹⁶ П, стр. 125.

¹⁷ П, стр. 120: «А со иноземцы... чтобы никому обиды не было».

¹⁸ П, стр. 118: «А сей древний купецких людей обычай велми есть неправ... и от такова неправого порядка незнающим людям великия пакости чинятца».

¹⁹ К, т. I, стр. 261: «Измежу черняков пак торговцы, от тежаков и реместиков есуть мене потребны, и мене добра чинят общине: або торговцы нить руками не рабят, нить глав своих не полагают за народ, нить корви нить пота не проливают, но токмо товары от места на место перевозят, и то не на общинскую, но на свою особытую корысть, и многожды з общинскою шетою, и не своим животным трудом, но наемною тежаческою работою. Бездельны питают свои торбухи, и разкошей уживают, и людей

Взгляды Крижанича и Посошкова, и теоретические, и практические, в вопросах и решениях в связи с русской внешнеторговой проблематикой совпадают полностью: они оба настаивают на всеобщем государственном контроле внешней торговли. И доказательства их точек зрения одни и те же: оба одинаково боятся (на основе проверенных фактов и опыта) иностранной эксплуатации неорганизованной внутренней и внешней торговли России того времени. Отсюда вытекает и та бескомпромиссная ксенофобия, в первую очередь германофобия, и первого, и второго писателя, которые не доверяют иноземцам во всех областях жизни русского народа. Можно сказать, что в русской литературе такая желчная ксенофобия, замеченная в произведениях Крижанича и Посошкова, не обнаружена ни раньше упомянутых писателей, ни позднее.

Главную опасность для процветания русской торговли Посошков видит в пагубном влиянии иностранных купцов, которые своим организованным импортом и организованным спросом отечественного сырья формируют цены на внутреннем и внешнем рынках исключительно в своих интересах, так что такая хозяйственная политика иностранных купцов действует разрушительно на развитие русской национальной торговли и купеческого сословия. Для защиты торговли от этого зла Посошков предлагает решительное ограничение свободы иностранных купцов на территории России. «Не нужно их пускать в страну, — говорит Посошков, — пусть они продают свой товар оптом и в розницу на кораблях и то в определенных портах. Поскольку бы они не продали привезенного товара на кораблях, этот товар не нужно брать ни на комиссию, ни в русские склады. Пусть иноземцы везут обратно непроданный товар».²⁰ Если они обидятся на такой поступок и прервут торговлю с Россией, все же, по мнению Посошкова, это будет больший вред для них, чем для русских, потому что они и так, особенно немцы и персы, ввозят кое-какие дорогие безделушки (игрушки и товары не первой необходимости), ненужные русским, а вывозят по дешевой цене дорогие меха и т. п. Посошков был так сердит на иностранных купцов, что переходит на брань (как и Крижанич в таких же случаях), называя их даже «свиньями».²¹

Все эти мысли Посошкова в той или иной форме содержатся и в «Политике» Крижанича, который до Посошкова видел в иностранных купцах, а особенно в немецких, огромную опасность для хозяйства России. Поэтому и он им не разрешает иметь в России ни мест для продажи, ни складов, ни торговых представителей.²² «Если бы не было в России немцев, торговля этого царства, — говорит Крижанич, — была бы в лучшем состоянии».²³

лихвами да обманами избегают, и сподобны суть неким общим кобылицам объедающим землю».

²⁰ П, стр. 137: «Аще можно тако учинить... чтобы прежую их пыху в конце нам сломить и привести бы их во смирение и чтобы они за нами гонялись».

²¹ П, стр. 134.

²² К, т. I, стр. 215: «А здесь на Руси что ся деет? Торговцы инородны, немцы, греки, бухары, всего сего крачества благо и приплод к себе зграбляют. Везде держат товарные склады и откупы, и всякие промыслы и премыты. Вольно прехажают по земле, и выкупают наши товары найдешевлею ценою, а к нам привозят много некорыстных преддрагих товаров, бисер, камение драгое, и стекло бенетское в место камения, и часки, и иныя некорыстные вещи. А наконец будучи они хитроумцы, обменяют наших торговцев во великих сметах пенязь».

²³ К, т. I, стр. 23—24: «Отнюдже никаковы иноземски торговцы немаются допустить в крачеству держать домов, ни лав, ни складов, ни сводов, ни оправников либо намесников своих: Когда бы немцев на Руси не было, торговство сего царства бы в много лучем постановлению было: драже бысмо продавали наши товары, дешевле бысмо куповали чужие».

Более того, и концепцию Посошкова о необходимости снабжения ссудами торговли, и помощь торговцам в виде займов из государственных или кооперативных касс²⁴ — все это *expressis verbis* еще раньше предвидел Крижанич в своей «Политике», имея в виду предоставление торговцам выгодных займов (исключающих всякую лихву). Указывая при этом конкретно на такое пользование кредитами в более передовых западных странах,²⁵ Крижанич говорил о положительной роли так называемых «общих касс» («общая мошня или бурса»), основанных с помощью капитала заинтересованных купеческих кругов. Судя по этому, Крижанич первый пропагандировал формирование кооперативного капитала²⁶ в виде касс взаимопомощи в среде купеческого сословия, что позднее предлагал и Посошков.²⁷

В пятой главе «Книги» рассматриваются вопросы ремесла и художественных промыслов в России, считающихся важной хозяйственной отраслью (П., стр. 139—150). Посошков подчеркивает необходимость развития ремесла в интенсивном и экстенсивном направлениях, придавая при этом (так же как и Крижанич) важную роль государству, которое должно управлять развитием ремесла при помощи продуманных субсидий и оказывать поддержку неимущим ремесленникам.²⁸ Посошков настаивает на том, чтобы в Россию приглашались и нанимались на работу иностранные специалисты-ремесленники, что и было сделано во время преобразовательной деятельности Петра Первого. При этом Посошков, так же как и Крижанич, требует, чтобы иностранные ремесленники, приглашенные и работающие в России, обязательно обучали специальному мастерству молодых русских ремесленников.²⁹ В противном случае им не нужно разрешать выезд на родину или же их нужно выгонять из России с пустыми руками.³⁰

²⁴ П., стр. 138: «И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы вси друг другу помогали и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могут его оправить, то из царские бы зборные казны из ратуши давали им ис проценту на промысл, смотря по промыслу его, да бы никто промышленной человек во убожество великое от какова своего упадку не въходил».

²⁵ К., т. I, стр. 25: «Август царь раздаваше в заем пенязи своим подданником, без всякого раста и лихоемства: на добро обезпечение; рекши, на запись домов каменных, на общины, на заклады, на поруки. И тем есть взятгнул многие лихоемские грабежи и торговство дивно успособил и размножил. Тоже бы ся могла вьяще удобно чинить в сем царству, з великою хвалою царя господаря».

²⁶ К., т. I, стр. 27: «В неких великих градах (Европы) держат торговцы наряжено между собою товарищество или дружину. И торговые свои пенязи держат все в одном месту скупно, и оно место ся зовет бурса, илити мошня. Аще кий болярин, или ин человек, принесет к ним своих пенязь много или мало, они примут тые пенязи в общую мошно, и дают му корысть от них: от ста рублей, еден рубель, или полтора, или два на год, а сами торгуют теми пенязми до срока. А когда человек запросит своих пенязь после срока, отдадут му е без отвлаки. Ащели им несть требы пенязь на торгование, примут еднаково тые пенязи на соблюдение, али не дают корысти от них, но токмо отдадут е во всяко время, когда господарь запросит. А иногда есть треба, да покладник ним платит за соблюдение».

²⁷ П., стр. 138.

²⁸ П., стр. 148: «Такожде и в прочих мастерствах».

²⁹ П., стр. 143: «А будет кто иноземец приедет в Русь художник доброй мастерства имяниного и у нас в Руси небывало, и такового надлежит дать дом и отдать ему в научение человек десяток место или болши и учинить с ним договор крепкой, чтобы он тех учеников учил прилежно и нескрытно».

³⁰ П., стр. 143: «А буде кой иноземец, по древнему своему обыкновению иноземческому, будет шмонить, а о ученье учеников не радеть, но чтобы, денги выманив, за море уехать, и то ево лукавство и проводы мочно и в полугоде познать, то с чем он приехав, с тем и назад выслать его нечестно и чтобы он в Руси и у нас не шатался, дабы на то зря, впряд для обману в Русь к нам не приезжали».

И Посошков, и Крижанич по этому вопросу стояли на одной точке зрения.³¹

Посошков рекомендует, чтобы русское ремесло, управляемое государством, старалось хорошо выделывать и по хорошим ценам продавать за границей уже готовые изделия и чтобы при этом не уступать иноземцам сырью по низким ценам. И в этом мысли Посошкова совпадают с мыслями Крижанича.³²

И положение классической экономики о том, что промышленно-ремесленное производство создается в зависимости от существующих источников сырья, рынков и соответствующего агломерата рабочей силы, пронизывает в одинаковой мере концепции как Посошкова,³³ так и его предшественника Крижанича.³⁴ И профессиональная организация ремесла была предусмотрена Посошковым так же, как раньше Крижаничем. Разница между этими профессионально-организационными замыслами в их структуре значительна: в то время как Крижанич предлагал профессиональную организацию ремесленного сословия на базе сословной и кооперативной взаимопомощи с ярко выраженной профессионально-сословной автономией,³⁵ Посошков остается со своей административной концепцией организации ремесла, управляемого государством, в устаревших рамках феодального бюрократизма.³⁶

Итак, все значительные замыслы Посошкова, которые предусматривали плодотворные преобразования русского ремесла петровского времени, по существу, содержатся уже в концепциях Крижанича, задуманных намного раньше.

³¹ П, стр. 141—142: «И аще той ученик уже совершенно научился и в разуме уже совершенном то освидетельствовав камандиру с товарищи и с мастерами, и аще мастерство ево чисто и честно и порока никакого не имущее, то дать ему указ полной, чтобы ему делать было свободно и дом мастерской иметь и учеников иметь... И кии мастера будут именитые и домами мастерскими владеть будут, то всем им, коемуждо иметь у себя клеймо особое, а надзиратели такожде имели бы свои особливые же клейма». К, т. I, стр. 31—32: «Всякий ученик есть повинен учение свое докончатъ у единого учителя, служить му даром два, три или вяще годов, как есть время отлучено во всяком ремесву. Ученик изволивши учение, треба есть да возмет сведочество от дружины в письму, яко есть верно служил, время исполнил и ремесства ся научил. Тогда ся назовет товарушь и повинен есть пувать по градах, да увидит и да изкусит знание множих иных майсторов. Товарушь пришедши в кий град повинен есть явиться назорнику своего ремесла».

³² П, стр. 147—149.

³³ П, стр. 146: «О сем же всячески надлежит потицатися, чтобы завести в Руси делать те дела, кои делаются изю лну и ис пенки, то есть трипы, бумазени, рубки, миткали, камордки и парусные полотна и прочие дела, кой из русских материалов делаются. Сие бо велики нужно, еже кои материалы, где родятся, тамо бы они и в дело происходили».

³⁴ К, т. I, стр. 39: «... треба призвать и рукодельников всяких, и краечев, кои бы нам могли зделать, показать, и научить всяко оружие, орудие, и всякий строй пратежный. А тех майсторов развестъ и разделить по градах, где всему будет пригожее стоять — для близзости воды, леса, льна, волны, железа, и всяких подбилин, и для иных потреб».

³⁵ К, т. I, стр. 31: «Всяко ремесство имает свою дружину и своего назорника. Те имеют слободину илити мочь судить между собой распри к ремесству пристоящая. То есть, аще друг друга обезчестит».

³⁶ П, стр. 141: «Такожде и о художественных делех гражданской же устав надлежит учинить и еже бы над всякими мастерства устроить надзирателей, а найпаче над иконописцами. И над всеми ими главнаго правителя приставить и за всеми мастерами и надзирателями прилежно ему смотреть и место ему дать, где те дела ему управлять, дабы все мастера дела свои делали самым тщательным художеством безпорочно». П, стр. 143: «И тако годствует учинить, чтобы без ведома художественных правителей и пришлой никакой мастер русской или иноземец никакова рукоделия не делал бы, но егда ево освидетельствуют командиры с товарищи и как ему определяют, так и быть».

Отдельную главу (шестую) Посошков посвятил теме «о разбойниках». Известно, что разбой и воровство в России были большим бедствием для народа, особенно в эпоху Петра I. Посошков объясняет это явление продажностью судопроизводства, которое слишком мягко или вообще никак не карает виновников этого общественного зла.³⁷ Чтобы положить конец этому национальному бедствию, Посошков предлагает ввести новое и более строгое законодательство, которое было бы в состоянии искоренить эти пагубные явления драконовскими мерами: административным ведением учета и ограничением передвижения жителей по стране, а нарушителей, т. е. разбойников и воров, клеймить, отсекав отдельные части тела или же казнить.³⁸

Крижанич в своей «Политике» также затронул эту тему, но гораздо шире и гуманнее.³⁹ И он относит разбойников и воров к отрицательным общественным элементам, против которых, по его мнению, нужно бороться лучшим законодательством в рамках лучших общественных отношений. С этой целью Крижанич предвидел необходимость принятия нового государственного законодательства, которое бы охватило права и обязанности всех, даже и привилегированных классов в России (от царя, князей и бояр до самых мелких чиновников), в смысле общественной солидарности всех классов на основе этически созданной народной общности: следовательно, *reformatio in caritate et in membris*.⁴⁰ Кругозор Посошкова, ограниченный рамками русского феодализма, не был таким широким.

Как конкретные меры, которые были бы в состоянии искоренить разбой и воровство, Крижанич предлагал в первую очередь упорядочить материальные, общественные отношения всех классов, даже и таких общественных вредителей, как разбойники: эти меры состояли бы не в полицейско-административных вмешательствах, а в соответственном материальном обеспечении путем справедливой оплаты труда любого, включая и бедных, которые в силу обстоятельств становятся разбойниками.⁴¹

Седьмая и восьмая главы «Книги» Посошкова посвящены крестьянству и сельскому хозяйству. В этих главах дается критическая оценка обстановки, в которой находилась отсталая русская деревня.

Русская деревня во времена Посошкова была отсталой, убогой, угнетаемой феодалами. И поэтому не удивительно, что она была крайне без-

³⁷ П, стр. 158: «Воров и разбойников».

³⁸ П, стр. 153, 161.

³⁹ К, т. I, стр. 292: «Або где тати и разбойники есуть слободны, тамо остальны люди окаяно живут стужены: ни в благу, ни в животех своих безпечальны. А тому — яко смо рекли — есть причина, что ся приказным людям не дает сподобная плача. Бедный Поддьячий морает в приказу сесть чез весь год, все целые дни, ни единого дни, ни единого дне не изнявши, а много крат седит и целыя ноци; а из казны му идет алтын на день, или 12 рублей на год. А велят му ся на празники показывать в цветном платье, на кое единое несть доста оных 12 рублей. А в остальном, чем ся имает кормить и одевать он сам, и жена, и челядь? А живут единаково. А из чесо живут? Лехко ся есть домыслить. Рекши из продавания Правды. Несть адда диво, что на Москве есть тако много воров, и разбоев, и людоморства, но есть диво, како еще люди праведны могут на Москве жить».

⁴⁰ К, т. II, стр. 30: «Но коим же образом можем мы творить народ благополучным? Конечно, мы не можем приказатъ земле, чтобы она производила плоды, ни морю, чтоб в нем водились рыбы. Но мы можем творить Добрые законы, эти орудия хорошей и благополучной жизни, без коих никакой народ не может быть счастлив. Где добрые законы, там благодать божия, добрая слава человеческая, и все добро, возможно для известного народа и для известной страны. А где нет добрых законов, там непременно должно быть разнаго рода общественное зло, должны быть несправедливости и бедствия».

⁴¹ Ср. прим. 39.

грамотной. Эти утверждения Посошкова в то же время являются обвинением виновников такого положения и в первую очередь существующих порядков: непосильные подати, чрезмерная эксплуатация крестьян феодалами начиная с административных и судебных властей и кончая своеволием крупных землевладельцев. Недовольство крестьян проявляется в их побегах, переселении, пьянстве и разорении.⁴² Выход из тупика Посошков видит в реорганизации — законной и административной — всей крестьянской жизни. Поэтому он рекомендует основать земства, рационально обрабатывать землю, провести новое измерение земли, уменьшить налоги и прежде всего ограничить произвол крупных землевладельцев и эксплуатацию крестьян.⁴³

Сущность сделанных Посошковым выводов о бедственном положении русской деревни и необходимости ее благоустройства не была чужда и Крижаничу: и он, хотя и был «пришельцем» в России, еще раньше Посошкова затронул те же самые раны русского народа. И он признавал, что сельское хозяйство наряду с ремеслом и торговлей — основная хозяйственная отрасль России.⁴⁴

Последняя, девятая глава «Книги» Посошкова — своеобразный публицистический *quodlibet* под заглавием «О царском интересе», в которой писатель наряду со своей частой и острой критикой хозяйственных и политических условий в России в той же самой «Книге» положительно оценил тип русской монархии своего времени: он доволен типом русского самодержца, который настоящий государь, а не «ористократ», не «димократ».⁴⁵

Эта парадоксальная противоречивость писателя, по моему мнению, находится в кровном родстве с таким же «подданным» положением Крижанича, для которого, как и для Посошкова, самодержавие русской феодальной монархии того времени — самая удачная форма государственного управления.⁴⁶

В этой же главе «Книги» вновь или в видоизмененном виде Посошков затронул отдельные вопросы, рассмотренные в предыдущих главах: о необходимости разумного распределения податей (стр. 200, 210), о повинностях (стр. 213—214), об отношении к вражескому иноземству (стр. 203, 208), о цепной торговле (стр. 208, 225, 226, 231), о самогонварении и о пьянстве (стр. 22, 230) и т. п. — вопросы, которые не были чужды и Крижаничу.

Вопрос устройства технико-монетных нормативов, затронутый Посошковым в этой главе, более систематически разработал уже Крижанич. И один, и другой усматривали в произвольной чеканке денег с неутвержденным соотношением благородных (золото и серебро) и неблагородных (медь) металлов большой вред, который наносился экономическому авторитету государства на внутреннем и внешнем рынках. Понятно поэтому, что некоторые русские «прожекторы» того времени предлагали свои проекты для устранения этого зла. Сделали это каждый по-своему и Крижанич,⁴⁷ и Посошков.⁴⁸

Таким образом, и здесь мы должны считать Крижанича предшественником Посошкова.

⁴² П, стр. 165, 177.

⁴³ П, стр. 183—199.

⁴⁴ К, т. I, стр. 42.

⁴⁵ П, стр. 239.

⁴⁶ К, т. I, стр. 243—244.

⁴⁷ К, т. I, стр. 327.

⁴⁸ П, стр. 236.

Как видим из приведенных главных мыслей «Книги о скудости и богатстве» Посошкова и параллельно с ними из соответствующих замыслов в «Политике» Крижанича, между этими двумя известными произведениями существует внутренняя связь не только в полном и наглядном совпадении тематики, но и в соответствующих позициях при решении определенных вопросов социально-политической, экономической и культурной проблематики. Не является ли установленное совпадение результатом «веяний эпохи», т. е. можно ли это тематическое совпадение, а затем и совпадение точек зрения в проблематике «Книги» Посошкова и «Политики» Крижанича свести к определенной духовной и публицистической («прожекторской») общности допетровской и петровской России?⁴⁹ Или же это совпадение следует считать прямым отражением чтения Посошковым «Политики» Крижанича?

Если принять во внимание, что большая часть известных проектов реформ относится к эпохе Петра Первого, а «Политика» Крижанича была полностью закончена еще в допетровское время, тогда допустимо предположить, что «Политика» Крижанича, самая значительная работа и по содержанию, и по объему в так называемой «прожекторской» публицистике, могла отразиться в позднейшей публицистической деятельности русских писателей — прожекторов эпохи преобразований. Она могла найти свое отражение и в практике государственных деятелей, у которых была возможность вдохновляться и руководствоваться замыслами Крижанича в преобразованиях, проводимых по их инициативе. По-видимому, доказательством этого могут служить сведения о том, что рукописи работ Крижанича находились в самых различных собраниях XVIII в. Так, С. М. Соловьев указывает, что список «Политики» Крижанича имелся у Петра I.⁵⁰ Рукописи работ Крижанича были найдены и в библиотеке В. В. Голицына.⁵¹ Между книгами «из царского дворца», которые должен был переплести московский переплетчик Яган Энкхауз, находились записанные произведения и рукописи Крижанича.⁵² Да и в библиотеке Сильвестра Медведева имелись рукописи работ Крижанича.⁵³ С. М. Соловьев указал на то, что уже у царя Алексея Михайловича была какая-то рукописная книжечка Юрия Сербенина (Крижанича), которую в 1674 г. царь послал дворцовому переплетчику, чтобы тот ее переплел.⁵⁴ Какая это была работа Крижанича, не сказано, да и позднее не установлено.⁵⁵ По данным П. Безсонова, в эпоху Петра Первого и библиотека Типографии в Москве

⁴⁹ Нам известен ряд русских писателей — преобразователей и публицистов (так называемых «прожекторов») допетровского (Полоцкий, В. В. Голицын, игумен Авраамий, С. Медведев и др.) и петровского времени (Ф. Прокопович, Ф. Салтыков, И. Т. Посошков и др.), которые как озабоченные патриоты в период важных социально-политических и экономических преобразований в России в XVII и XVIII вв. преподносили как царю Алексею Михайловичу, так и Петру Первому различные записки (проекты), предлагая упомянутым государям определенные и конкретные идеи реформ.

⁵⁰ «Сочинение Крижанича («Политические думы») для нас очень важно: оно дополняет и подтверждает наши сведения о России перед эпохой преобразования, во многих случаях объясняет нам те пути, по которым действительно пошла преобразовательная деятельность. Книга Крижанича была наверху у великого государя, следовательно, есть основание предполагать, что она не осталась без влияния» (С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стлб. 779).

⁵¹ П. Безсонов. Юрий Крижанич. М., 1870, стр. 23—24; С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стлб. 1052.

⁵² Приказные дела. Архивы Министерства иностранных дел, за год 1674; ср.: С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стлб. 779.

⁵³ П. Безсонов. Юрий Крижанич, стр. 32.

⁵⁴ С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стлб. 1052.

⁵⁵ П. Безсонов. Юрий Крижанич, стр. 23—24.

располагала рукописями произведений Крижанича.⁵⁶ Царь Федор Алексеевич в 1681 г. посетил эту библиотеку и потребовал, чтобы ему из той библиотеки доставили в царский дворец некоторые рукописные книги, а между ними и рукопись «Политики» (на «чешском» языке). Это произведение позднее называют «Политикой» и на славянском языке. Само собой разумеется, что и в этом случае речь может идти только о «Политике» Крижанича (написанной латинским шрифтом).⁵⁷

Приведенные факты, которые можно дополнить, говорят о том, что и в эпоху Петра I, и в допетровское время в одинаковой мере имелся живой интерес к произведениям Крижанича. Однако далеко не всеми исследователями принимаются выводы С. М. Соловьева и П. Бессонова о популярности произведений Крижанича в XVII—XVIII вв.⁵⁸ Кроме А. Брикнера, к этому недоверчиво относился и В. Ягич.⁵⁹ Но возражения и того, и другого довольно неубедительны, так что этот вопрос мы должны считать в значительной степени открытым. Вместе с тем в современной советской науке существует предположение о популярности идей Крижанича среди влиятельных русских государственных деятелей и политиков уже в допетровское время (Б. И. Морозов, Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин, Артамон С. Матвеев и др.). «Это широкое знакомство вводило Крижанича в круг, в котором вращались почти все главные государственные деятели Руси той эпохи. Можно предполагать, что в беседах с ними Крижанич особенно широко и подробно развертывал свои планы, выдвигал различные преобразовательные проекты. Вероятно, эти люди в большей степени были обязаны Крижаничу своим знакомством с западными государственными порядками, западной культурой и пр. Он был первым, например, кто познакомил («обвестил») русских политиков с книгами, касающимися Русского государства, вышедшими за границей». ⁶⁰ Подчеркивая таким образом оспариваемую Брикнером популярность идей и самой личности Крижанича в современном ему кругу русских государственных и политических деятелей, Б. Д. Дацюк одновременно утверждает, что «внимание к Крижаничу проявляла совершенно определенная группа русских политических деятелей. Это были те передовые люди XVII века, которых принято считать предшественниками петровских реформ. Знакомство Морозова, Ртищева и Ордин-Нащокина с идеями Крижанича, внимание к его сочинениям со стороны Петра I наталкивает на чрезвычайно заманчивый, совершенно недоказуемый вывод — о прямой связи практической государственной деятельности этих людей с известными им мыслями Крижанича. Внешние обстоятельства даже придают такому выводу. Многие из того, что Крижанич предлагал для России 60—70-х годов XVII века, нашло свое реальное осуществление в дальнейших мероприятиях правительства Б. И. Морозова. Мероприятия, на которых в свое время настаивал Крижанич, можно увидеть и в деятельности Ордин-Нащокина... Еще теснее связь идей Крижанича с Петровской эпохой».⁶¹

⁵⁶ Там же, стр. 10—12, 22.

⁵⁷ V. Jagić. Život i rad Juvja Križanića. Zagreb, 1917, стр. 225—226.

⁵⁸ А. Брикнер. Юрий Крижанич. — Русский вестник. СПб., 1887, т. III, стр. 575—619; СПб., 1887, т. IV, стр. 1—51.

⁵⁹ В. Ягич. Рецензия на статью П. Бессонова «Католический священник Серб (Хорват) Юрий Крижанич, Неблужский, Явканица, ревнитель воссоединения церковей и всего славянства в XVII веке» (М., 1869—1870). — Rad Jygoslavenske Akademii Znanosti Umiejtnošći, кн. 18. Zagreb, 1872, стр. 164—205; V. Jagić. Život i rad Juvja Križanića, стр. 226—227.

⁶⁰ Б. Д. Дацюк. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946, стр. 106.

⁶¹ Там же, стр. 108. — На монографию Дацюка откликнулись рецензиями В. И. Пичета (Советская книга. М., 1947, № 2, стр. 67—73) и А. Гольд-

Разве это не полная и, по-моему, правильная реабилитация известных оспариваемых данных и выводов П. Бессонова и С. М. Соловьева, цитированных нами по тому же вопросу?

Но как бы мы не относились к аргументации П. Бессонова и С. М. Соловьева, для нас в настоящем случае, когда речь идет об установленном факте совпадения определенных текстов Крижанича и Посошкова, она является второстепенной, так как мы свои выводы ограничили преимущественно сопоставлением самих текстов «Политики» Крижанича и «Книги о скудости и богатстве» Посошкова. Именно это систематическое сравнение текстов Крижанича и Посошкова показало совпадения как отобранной тематики, так и решений поставленных ими вопросов.⁶² По моему мнению, эти совпадения,⁶³ особенно в мелких вопросах и в их решениях, трудно принимать как результат «ветра эпохи», а еще труднее как случайность. Поэтому-то едва ли приемлем и заключительный вывод В. Вальденберга, будто совпадения такого рода можно объяснить как «правильное понимание потребностей и духа времени» двух мыслителей: одного — квалифицированного ученого и другого — самоучки.

В заключение напрашивается вопрос: а был ли автор «Книги о скудости и богатстве» непосредственно знаком с «Политикой» Крижанича? Я думаю, что такую возможность (хотя и без прямых доказательств для достоверного утверждения) можно допустить. И вот почему.

Автор «Книги о скудости и богатстве» состоял в личном контакте с великим преобразователем России Петром I, в библиотеке которого, как уже отмечалось, была «на верху» и «Политика» Крижанича.⁶⁴ В то же время Посошков вращался и в кругах политической оппозиции, как это доказывает процесс против политической группы отца Авраамия. Посошкова даже подозревали в том, что он участвовал в акциях этой группы.⁶⁵ А что эта группа политиков могла располагать и рукописями (копиями) сочинений Крижанича, подготавливая свои проекты реформ, подразумевается само собой. И дальше: В. Вальденберг правильно устанавливает полное совпадение тематики и идейных взглядов «Книги» и «Политики», объясняя указанное явление правильным пониманием потребностей и духа своего времени двух писателей, несмотря на факт (им же самим установленный), что Крижанич и Посошков имели между собой очень мало общего и по происхождению, и по образованию, и по общественному положению.⁶⁶ Значит, заговорили одним языком науки Юрий Крижанич, ученый и дворянин западноевропейского пошиба, доктор философии и католический священник, с Иваном Тихоновичем Посошковым, православным подмосковным крестьянином-самоучкой.⁶⁷ И заговорили, как

берг (Вопросы истории. М., 1947, № 4, стр. 124—126), но так как эти рецензии не затрагивают интересующий нас вопрос Крижанич—Посошков, мы ограничиваемся на этот раз только библиографической регистрацией этих рецензий.

⁶² К тому же выводу ранее меня пришел В. Вальденберг (Крижанич и Посошков. — *Slavia*, гос. V. Прага, 1926—1927, стр. 745—746, 762), который пишет: «Так напр. и Крижанич и Посошков говорят почти одними и теми же словами... И во всех этих вопросах сходство между обоими мыслителями выражается не только в общем и главном, не только в принципиальной постановке вопросов, но и в ответах на них, иногда — в мелких, совершенно незначительных подробностях. При этом Крижанич — совершенно так же, как Посошков, занимает середину между стариной и новизной, в иных случаях склоняя к одной, в других — к другой» (стр. 746).

⁶³ Уже А. Брикнер в своих статьях о Посошкове устанавливал близкую идейную связь «Политики» Крижанича и «Книги» Посошкова.

⁶⁴ Ср. прим. 50.

⁶⁵ С. М. Соловьев. История России..., кн. III стлб. 1162—1163.

⁶⁶ В. Вальденберг. Крижанич и Посошков, стр. 762.

⁶⁷ А. Пашков. Экономические идеи Посошкова. — Известия АН СССР, отд. эконом. и права. М., 1945, № 4, стр. 27 («Посошков был самоучкой в полном смысле

признает и Вальденберг, в унисон не только о принципиальных вопросах, но и о второстепенных, о которых можно думать так или иначе. Заговорили и о таких вопросах, о каких раньше Крижанича рассуждали редчайшие прогрессивные экономисты Запада (например, о введении цехового устройства и т. п.).

Такие совпадения обоих произведений в плане второстепенных тем и их решений приводят нас к заключению, что совпадения эти мы должны объяснять как последствие знакомства автора «Книги о скудости и богатстве» с «Политикой» Крижанича.

слова. Знание литературы ограничивалось у него почти исключительно церковной, богословской литературой, в которой, кстати сказать, он был весьма начитан»).